

Гаршин Всеволод Михайлович – один из наиболее выдающихся писателей 70-80-х годов XIX в.; родился 2 февраля 1855 г., умер 24 марта 1888 г., погребен на Волковом кладбище в Петербурге.

Род Гаршиных – старинный дворянский род, происходящий, по преданию, от мурзы Горшы или Гаршы, выходца из Золотой Орды при Иване III.

Дед В. М. Гаршина со стороны отца был человек крутой, жестокий и властный; к концу жизни он сильно расстроил свое крупное состояние, так что Михаилу Егоровичу, отцу Гаршина, одному из одиннадцати детей, досталось только 70 душ в Старобельском уезде.

Михаил Егорович был «совершенной противоположностью своему отцу»: это был человек в высшей степени добрый и мягкий; служа в кирасирах в Глуховском полку, в Николаевское время, он никогда не бил солдат; «разве уж когда очень рассердится, то ударит фуражкой». Он окончил курс в 1-й Московской гимназии и два года пробыл в Московском университете на юридическом факультете, но затем, по его собственным словам, «увлекся военной службой». Во время освобождения крестьян он работал в Харьковском комитете членом от Старобельского уезда, где поселился после отставки в 1858 г.

В 1848 г. он женился на Екатерине Степановне Акимовой. «Ее отец, – говорит Гаршин в своей автобиографии, – помещик Бахмутского уезда Екатеринославской губернии, отставной морской офицер, был человек очень образованный и редко хороший. Отношения его к крестьянам были так необыкновенны в то время, что окрестные помещики прославили его опасным вольнодумцем, а потом – и помешанным. «Помешательство» его состояло, между прочим, в том, что в голод 1843 года, когда в тех местах чуть не полнаселения вымерло от голодного тифа и цинги, он заложил свое имение, занял денег и сам привез «из России» большое количество хлеба, который и раздал голодавшим мужикам, своим и чужим». Он умер очень рано, оставив пятерых детей, из которых самая старшая, Екатерина, была еще девочкой; но его заботы о воспитании ее принесли плоды, и после его смерти по-прежнему выписывались учителя и книги, так что ко времени выхода замуж она сделалась хорошо образованной девушкой.

Гаршин родился третьим ребенком в семье, в имении своей бабушки А.С. Акимовой «Приятная долина» Бахмутского уезда.

Внешние условия детской жизни Гаршина были далеко не благоприятные: «еще ребенком Всеволоду Михайловичу пришлось пережить многое такое, что выпадает на долю лишь немногим, – пишет Я. Абрамов в своих воспоминаниях о Гаршине. – Во всяком случае, несомненно, что детство имело большое влияние на склад характера покойного. По крайней мере, он сам объяснял многие подробности своего характера именно воздействием фактов из своей детской жизни».

В самые первые годы своего детства, когда отец еще служил в полку, Гаршин пришлось много попутешествовать и побывать в различных местностях России; несмотря на такой юный возраст, многие путевые сцены и переживания оставили глубокий след и неизгладимые воспоминания в восприимчивой душе и живом впечатлительном уме ребенка.

Уже пяти лет любознательный ребенок выучился читать у домашнего учителя П. В. Завадовского, жившего тогда у Гаршиных. Букварем послужила старая книжка «Современника». С этих уже пор Гаршин пристрастился к чтению, и его редко можно было видеть без книги.

В своих воспоминаниях о маленьком Гаршине его дядя В.С. Акимов пишет: «В начале 1860 г., он, т. е. Гаршин, приезжал с матерью ко мне в Одессу, куда я только что возвратился из лондонского плавания на пароходе «Веста» (впоследствии знаменитом). Это был уже пятилетний мальчик, очень кроткий, серьезный и симпатичный, носившийся постоянно с «Миром Божьим» Разина, который он оставлял только ради излюбленного им рисования».

О последующем периоде своей жизни, с пяти до восьми лет, Гаршин пишет следующее: «Старших братьев отправили в Петербург; матушка поехала с ними, а я остался с отцом. Жили мы с ним то в деревне, в степи, то в городе, то у одного из моих дядей в Старобельском уезде. Никогда, кажется, я не перечитал такой массы книг, как в 3 года жизни с отцом, от пяти- до восьмилетнего возраста. Кроме разных детских книг (из которых особенно памятен мне превосходный «Мир Божий» Разина), я перечитал все, что мог едва понимать, из «Современника», «Времени» и др. журналов за несколько лет. Сильно на меня подействовала Бичер-Стоу («Хижина дяди Тома» и «Жизнь негров»). До какой степени свободен был я в чтении, может показать факт, что я прочел «Собор парижской Богоматери» Гюго в семь лет и, перечитав его в двадцать пять, не нашел ничего нового, а «Что делать?» читал по книжкам в то самое время, когда Чернышевский сидел в крепости. Это раннее чтение было, без сомнения, очень вредно. Тогда же я читал Пушкина, Лермонтова («Герой нашего времени» остался совершенно непонятым, кроме Бэлы, о которой я горько плакал), Гоголя и Жуковского».

В августе 1863 г. мать приехала за маленьким Всеволодом в Старобельск и увезла его в Петербург, который произвел огромное впечатление на будущего писателя, который он так полюбил и где, с небольшими сравнительно перерывами, он прожил почти всю свою жизнь.

В 1864 г. Гаршин поступил в 7-ю СПб гимназию (потом преобразована в первое реальное училище). Сам Гаршин говорит, что учился он довольно плохо, «хотя не отличался особенной ленью», но много времени у него уходило на постороннее чтение, и прибавляет, что во время курса он два раза болел и раз «остался в классе по лености», так что семилетний курс превратился для него в десятилетний. Его же

товарищ Я. Абрамов, в своем собрании материалов для биографии Гаршина говорит, что Гаршин учился хорошо и «оставил самые приятные воспоминания в своих учителях и воспитателях».

Такое противоречие получилось, вероятно, потому, что способность Гаршин быстро схватывать изучаемый предмет и вникать в его сущность не требовала от него такой усидчивости в занятиях, как от большинства его товарищей, а его добросовестность требовала всецело отдаться делу учения и не посвящать столько времени постороннему чтению.

С большим интересом и любовью относился Гаршин к изучению русской словесности и естественных наук; по этим предметам он всегда получал хорошие отметки; между прочим, сохранилось одно его сочинение «Смерть», поданное им в 1872 г. учителю словесности; это сочинение обнаруживает уже признаки зарождения незаурядного таланта. Занятия математикой Гаршин «искренно ненавидел» и, по возможности, избегал их, хотя математика и не особенно трудно давалась ему. «Уже в том возрасте, – говорит Я. В. Абрамов, – в нем ярко проявлялись все те прелестные черты его характера, которые позднее невольно очаровывали и покоряли всякого, имевшего с ним какое-либо дело; его необычайная мягкость в отношениях к людям, глубокая справедливость, уживчивость, строгое отношение к себе, скромность, отзывчивость на горе и радость ближнего», – все эти качества привлекали к нему симпатии начальства и учителей и любовь товарищей, из которых многие остались его друзьями на всю жизнь.

«В этом же возрасте, – говорит М. Малышев, — начали обнаруживаться во В.М. и те умственные качества, которые поражали всех, знавших его: вдумчивое отношение ко всему виденному, слышанному и читанному, способность быстро схватывать сущность дела и находить разрешение вопроса, видеть в предмете те стороны, которые обыкновенно ускользают от внимания других, оригинальность выводов и обобщений, способность быстро и легко приискивать доводы и аргументы в подкрепление своих воззрений, умение находить связь и зависимость между предметами, как бы они затемнены ни были».

Во время своего пребывания в гимназии Гаршин принимал самое живое участие в «гимназической литературе»; с IV класса он состоял деятельным сотрудником «Вечерней Газеты», издаваемой еженедельно воспитанниками; в этой газете он писал фельетоны за подписью «Агасфер», и фельетоны эти пользовались огромным успехом среди юных читателей. Кроме того, Гаршин сочинил еще длинную поэму гекзаметром, где описывал гимназическую жизнь. Будучи страстным любителем чтения, Гаршин основал с товарищами общество для составления библиотеки. Капитал, необходимый для приобретения у букинистов книг, составлялся из членских взносов, из добровольных пожертвований; сюда поступали деньги, вырученные от продажи старых тетрадок в мелочную лавочку и нередко деньги, полученные на завтраки.

Первые три года после поступления в гимназию Гаршин жил в своей семье, а после ее переселения на юг жил одно время на квартире со своими старшими братьями (которым тогда уже было 16 и 17 лет).

С 1868 г. он устроился в очень симпатичной ему семье одного из своих гимназических товарищей, В.Н. Афанасьева. Около этого же времени Гаршин, благодаря другому своему товарищу по гимназии, В.М. Латкину, вошел в семью А.Я. Герда, которому, как говорил сам Гаршин, он был обязан более, чем кому-либо другому, в деле умственного и нравственного своего развития. С VI класса Гаршин был принят в пансион на казенный счет.

За все время пребывания в гимназии, так же как впоследствии и в горном институте, вплоть до поступления в армию, т.е. до 1877 г., Гаршин на летние каникулы всегда приезжал к своим родным в Харьков или Старобельск.

В конце 1872 г., когда Гаршин перешел уже в последний класс, впервые проявился у него тот тяжелый психический недуг, который периодически охватывал его впоследствии, отравлял ему жизнь и привел к ранней могиле. Первые признаки болезни выразились в сильном возбуждении и в повышенной лихорадочной деятельности. Квартиру своего брата Виктора Гаршин обратил в настоящую лабораторию, опытам своим придавал чуть не мировое значение и старался привлечь к своим занятиям как можно больше лиц.

Наконец припадки его нервного возбуждения обострились настолько, что его пришлось поместить в больницу Св. Николая, где к началу 1873 г. его состояние настолько ухудшилось, что к нему не всегда допускали лиц, желавших его навестить. В промежутках между такими тяжелыми припадками у него бывали минуты просветления, и в эти минуты перед ним мучительно ясно вставало все то, что совершал он в период безумия. В этом состоял весь ужас его положения, так как в своем болезненно чутком сознании он считал себя ответственным за эти поступки, и никакие убеждения не могли его успокоить и заставить думать иначе. Все последующие припадки болезни протекали у Гаршин приблизительно при тех же явлениях, ощущениях и переживаниях.

Когда Гаршин почувствовал себя немного лучше, то из лечебницы Св. Николая его перевезли в лечебницу доктора Фрея, где, благодаря внимательному умелому уходу и разумному лечению, он совершенно оправился к лету 1873 г., так что в 1874 г. успешно окончил курс училища. Самые хорошие воспоминания оставили в нем годы его пребывания в училище; с особенной теплотой и признательностью вспоминал он всегда директора училища В.О. Эвальда, учителя словесности В.П. Геннинга и учителя естественной истории М.М. Федорова. «Не имея возможности поступить в университет, – пишет Гаршин в своей автобиографии, – я думал сделаться доктором. Многие из моих товарищей (предыдущих выпусков) попали в медицинскую академию, и теперь доктора. Но как раз ко времени моего окончания курса, Д-в подал записку

государю, что вот, мол, реалисты поступают в медицинскую академию, а потом проникают из академии в университет. Тогда было приказано реалистов в доктора не пускать. Пришлось выбирать какое-нибудь из технических заведений: я выбрал то, где поменьше математики, – горный институт.

Занятиям в институте Гаршин снова уделяет лишь столько времени, сколько необходимо, чтобы не отстать от курса, все же остальное употребляет на чтение и, главное, на подготовку себя к литературной деятельности, в которой видит свое истинное призвание.

В 1876 г. Гаршин впервые выступил в печати с небольшим рассказом: «Подлинная история энского земского собрания», напечатанным в еженедельной газете «Молва» (№15) за подписью Р.Л., но сам автор не придавал особого значения этому первому дебюту и не любил о нем говорить, так же, как и о своих статьях о художественных выставках, напечатанных в «Новостях» за 1877 г. Эти статьи были написаны им под влиянием сближения с кружком молодых художников.

На правах вольноопределяющегося Гаршин был зачислен в 138-й Болховский пехотный полк, в роту Ив. Наз. Афанасьева, старшего брата своего товарища В.Н. Афанасьева. 4-го мая Гаршин уже прибыл в Кишинев, присоединился к своему полку и, выступив отсюда 6-го мая, сделал пешком весь тяжелый переход от Кишинева до Систова. Об этом он пишет из Баниас (предместье Бухареста) Малышеву: «Сделанный поход был нелегко. Переходы доходили до 48 верст. Это – при страшной жаре, в суконных мундирах, ранцах, с шинелями через плечо. В один день из нашего батальона упали на дороге до 100 человек; по этому факту можешь судить о трудностях похода. Но мы с В. (Афанасьевым) держимся и не плошаем».

Подробно впоследствии Гаршин описал весь этот переход в своем рассказе «Записки рядового Иванова». «Живой по натуре, непоседа, в высшей степени общительный, простой и ласковый, Гаршин очень полюбился солдатам, привыкшим видеть в вольноопределяющемся кандидата в офицера, а не своего товарища, – пишет Малышев, несколько позже Гаршин поступивший в полк. – Гаршин близко сошелся с ними, учил их грамоте, писал письма, читал газеты и по целым часам беседовал с ними».

Солдаты относились к Гаршину очень бережно, сдержанно-ласково и долго еще спустя, когда раненый Гаршин уже уехал в Россию, вспоминали о нем: «Все-то он знал, все-то рассказать мог, и сколько он нам историй разных порассказал в походе! Изморимся, язык высунем, еле ноги волочим, а ему и горяшка мало, снует меж нас, с тем покалякает, с другим. На привал придем – только бы ткнуться куда, а он соберет котелки да за водой. Чудной такой, живой! Славный барин, душа!».

Особенно, вероятно, он привлек к себе симпатии солдат еще тем, что не терпел никаких отличий и нес службу наравне с ними, не допуская никаких льгот и поправок. 11 августа, в битве при Аясларе, Гаршин был ранен в ногу пулей навывлет.

Гаршин был «представлен к Георгию», но почему-то не получил его; узнав о последнем обстоятельстве, солдаты его роты очень жалели, что понадеялись на то, что он получит этот знак отличия и не присудили ему «ротного Георгия».

На излечение В. Гаршин поехал к родным в Харьков и отсюда в конце 1877 г. послал в «Отечественные Записки» свой рассказ «Четыре дня» («Отеч. зап.", 1877 г., N10, отдельное издание в Москве в 1886 г.), который сразу заставил обратить внимание на молодого автора, составил ему литературное имя и поставил наряду с выдающимися художниками слова того времени. Этот рассказ Гаршин еще урывками начал писать на привалах во время войны, а темой ему послужил действительный факт, когда после сражения при Езерджи солдаты, посланные для уборки трупов, нашли между последними живым солдата Болховского полка, пролежавшего на поле битвы 4 дня без пищи и питья с перебитыми ногами.

Со времени этого успеха на литературном поприще Гаршин решает всецело отдаться литературной деятельности; он хлопочет об отставке (хотя одно время у него была мысль остаться военным для идейного служения на этой службе) и, еле оправившись, спешит в Петербург. Здесь, вскоре по приезде, он написал два небольших рассказа: «Очень коротенький роман», напечатанный в «Стрекозе», и «Происшествие» («Отечественные Записки», 1878 г., N3).

Весной 1878 г. Гаршин был произведен в офицеры, а в конце этого же года получил отставку, пробыв предварительно довольно долгое время в Николаевском военно-сухопутном госпитале «на испытании».

В Петербурге Гаршин серьезно занялся своим научным и художественным образованием; он много читал (хотя без всякой системы), с осени 1878 г. поступил вольнослушателем в университет на историко-филологический факультет для лучшего ознакомления с историей, которой особенно интересовался, и снова сблизился с кружком художников.

В течение зимы 1878-79 гг. Гаршиным были написаны рассказы: «Трус» («Отечеств. Зап.", 1879 г., N3), «Встреча» (там же, N4), «Художники» (там же, N9), «Attalea princeps» («Русское Богатство», 1879 г., N10).

Лето 1879 г. Гаршин по обыкновению проводил у своих родных в Харькове, где между прочим ходил со студентами-медиками V курса в психиатрическую больницу на «разбор больных». Кроме того, Гаршин много путешествовал за это лето, навещая своих друзей. В этом усиленном стремлении к передвижению, может быть, проявилась та повышенная нервность – спутница душевной тоски, появлявшаяся у него уже

временами и раньше и вылившаяся на этот раз, к осени 1879 г., в тяжелые и длительные припадки меланхолии.

Можно предполагать, что в рассказе «Ночь» («Отечеств. Зап.", 1880 г., N6), написанном Гаршиным в эту зиму, отразилось отчасти его тяжелое внутреннее состояние, перешедшее в начале 1880 г. в острое маниакальное заболевание, которое опять-таки выразилось в усиленной деятельности и в стремлении к передвижению: В.М., после покушения на гр. Лорис-Меликова, едет к нему ночью и горячо убеждает его в необходимости «примирения и всепрощения», затем попадает в Москву, где тоже беседует с обер-полицмейстером Козловым и скитается по каким-то трущобам; из Москвы направляется в Рыбинск, затем в Тулу, где бросает свои вещи и странствует то верхом, то пешком по Тульской и Орловской губерниям, что-то проповедуя крестьянам; живет некоторое время у матери известного критика Писарева, наконец, является в Ясную Поляну и «ставит» Л.Н. Толстому мучающие его больную душу вопросы. В то же время его занимают и широкие планы литературных работ: он намеревается издать свои рассказы под заглавием «Страдания человечества», хочет написать большой роман из болгарской жизни и издать большой труд «Люди и война», который должен был быть ярким протестом против войны.

Рассказ «Денщик и офицер», напечатанный около этого времени в «Русском Богатстве» (1880 г., N8), был по-видимому небольшой частью этого произведения.

Наконец скитающегося Гаршина отыскал его старший брат Евгений и увез в Харьков, где В.М. пришлось поместить на Сабурову дачу, после того как он бежал от родных и очутился в Орле, в доме для умалишенных.

После четырехмесячного лечения на Сабуровой даче и двухмесячного пребывания в лечебнице доктора Фрея в Петербурге, Гаршин в конце 1880 г. возвратился наконец к полному сознанию, но чувство беспредметной тоски и угнетенности не покидало его.

В таком состоянии его увез к себе в деревню Ефимовку (Херсонской губ.), на берег днепровско-бугского лимана, его дядя В.С. Акимов и создал ему там самую идеальную для поправки жизнь и обстановку.

За время своего пребывания в Акимовке, т.е. с конца 1880 г. до весны 1882 г., Гаршин написал только небольшую сказку «То, чего не было», предназначавшуюся сначала для рукописного детского журнала, который задумали издавать дети А.Я. Герда; но сказка вышла не детская, а «скалдырническая», как выразился о ней сам В.М., т.е. слишком пессимистическая, и была напечатана в журнале «Устой» 1882 г. (NN3-4). Эта сказка вызвала, между прочим, в публике различные толки, против чего горячо протестовал Гаршин, вообще всегда отвергавший какое-либо аллегорическое толкование своих произведений.

За время пребывания в Акимовке Гаршин перевел «Colomba» Мериме; перевод этот был напечатан в «Изящной Литературе» за 1883 г.

Как вообще В.М. смотрел в это время на свои занятия литературой можно видеть из его письма к Афанасьеву от 31 декабря 1881 г. «Писать не могу (должно быть), а если и могу, то не хочу. Ты знаешь, что я писал, и можешь иметь понятие, как доставалось мне это писание. Хорошо или плохо выходило написанное, это вопрос посторонний: но что я писал в самом деле одними своими несчастными нервами и что каждая буква стоила мне капли крови, то это, право, не будет преувеличением. Писать для меня теперь – значит снова начать старую сказку и через 3-4 года, может быть, снова попасть в больницу душевнобольных. Бог с ней, с литературой, если она доводит до того, что хуже смерти, гораздо хуже, поверь мне. Конечно, я не отказываюсь от нее навсегда; через несколько лет, может быть, и напишу что-нибудь. Но сделать литературные занятия единственным занятием жизни – я решительно отказываюсь».

В мае 1882 г. Гаршин приехал в Петербург и издал первую книжку своих рассказов, а лето провел, воспользовавшись приглашением с большой симпатией относившегося к нему И.С. Тургенева, в Спасском-Лутовинове вместе с поэтом Я.П. Полонским и его семьей.

В тихой, уютной, располагающей к работе деревенской обстановке он написал «Записки из воспоминаний рядового Иванова» («Отечеств. Зап.", 1883 г., N1, издано отдельно в 1887 г.).

Возвратясь осенью в Петербург, Гаршин стал усиленно искать каких-либо занятий. Сначала он поступил в помощники управляющего Аноповской писчебумажной фабрики на 50 руб. жалованья, но занятия здесь отнимали очень много времени и сильно утомляли В.М.

В следующем (1883) году Гаршин получил место секретаря общего съезда представителей русских железных дорог, которое и занимал почти в течение пяти лет, оставив его только за 3 месяца до своей трагической кончины. Место это давало ему хорошее материальное обеспечение, а усиленных занятий требовало только 1-2 месяца в году, когда собирался съезд; остальное время дела было очень мало. На службе у Гаршина установились самые симпатичные и хорошие отношения, как с начальством, так и с сослуживцами, последние всегда охотно готовы были заменить его на время последующих припадков болезни.

В том же году, 11-го февраля, В.М. женился на слушательнице медицинских курсов Надежде Михайловне Золотиловой. Детей у них не было. Брак этот был очень счастлив; кроме любви и соответствия характеров, Гаршин в лице своей жены приобрел заботливого врача-друга, постоянно окружавшего его заботливым и умелым уходом, который так необходим был больному писателю. И Гаршин высоко ценил эту

нежную заботливость и бесконечно терпеливый уход, которыми окружала его жена до самой смерти.

5 октября 1883 г. Гаршин был выбран в действительные члены Общества Любителей Российской Словесности в Москве.

В 1883 г. Гаршин написал рассказы: «Красный цветок» («Отечеств. Зап.", N10) и «Медведи» («Отечеств. Зап.", N11, отдельно издан в 1887 и 1890 гг.).

В этом же году он перевел с английского две сказки Уайльда: «Честолюбивая роза» и «Нюрнбергская печь» и с немецкого несколько сказок Кармен Сильвы (в издании «Царство сказок», СПб., 1883 г.).

С этого времени Гаршин пишет уже мало: в 1884 г. «Сказка о жабе и розе» («За двадцать пять лет, сборник Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым»), в 1885 году – повесть «Надежда Николаевна», («Русская Мысль», NN 2 и 3), в 1886 г. – «Сказание о гордом Аггее» («Русская Мысль», N4), в 1887 г. – рассказ «Сигнал» («Северный Вестник», N1, отдельно в 1887 и 1891 гг.), сказку «Лягушка-путешественница» («Родник», 1887 г.) и статью о передвижной выставке в «Северном Вестнике».

В 1885 г. вышла его «Вторая книжка рассказов». В том же 1885 г. Гаршин вместе с А.Я. Гердом редактировал выпуски библиографического листка «Обзор детской литературы». Кроме того, он снова усиленно занимался изучением русской истории XVIII в. и лелеял мысль написать большую историческую повесть, изображающую борьбу старой и новой России; представителями последней должны были явиться Петр Великий и «пирожник» князь Меншиков, а представителем первой – подьячий Докукин, решившийся поднести Петру известное «письмо», в котором он смело указывал царю все темные стороны его реформаторской деятельности. Но повести этой не суждено было вылиться из-под пера Гаршина и увидеть свет, как не увидал света и его фантастический рассказ, написанный на тему «защиты ересей в науке и долженствовавший быть протестом против научной нетерпимости». Об этом рассказе Гаршин говорил своему другу В.А. Фаусеку в 1887 г. и даже подробно рассказывал его содержание, но, вероятно, затем сжег его во время припадка своей болезни, которая с 1884 года повторялась каждой весной, мешала ему работать и отравляла его существование.

С каждым годом эти припадки становились все длительнее, начинаясь раньше весной и кончаясь позже осенью; но в последний раз, в 1887 г., болезнь проявилась только поздно летом, когда сам писатель и все близкие уже надеялись, что она не явится больше.

Упорному характеру этого последнего заболевания отчасти способствовали некоторые неприятности, выпавшие на долю несчастного В.М. за зиму 1887-88 гг., от которых его близкие не в силах были его оградить.

Ранней весной 1888 г. Гаршин наконец почувствовал себя немного лучше и по настоянию врачей, и по просьбе близких друзей решил поехать на Кавказ. Но не суждено было осуществиться этой поездке: 19 марта, накануне назначенного отъезда, в девятом часу утра, больной Гаршин, выйдя незаметно на лестницу из своей квартиры и спустившись с 4-го этажа на второй, ринулся в пролет лестницы, сильно разбился и сломал себе ногу. Сперва Гаршин был в полном сознании и, по-видимому, сильно страдал; к вечеру его перевезли в лечебницу Красного Креста, где к 5 часам следующего утра он уснул и больше уже не проснулся до своей кончины, последовавшей в 4 часа утра 24 марта 1888 г. 26-го марта его хоронили на Волковом кладбище. Огромная толпа народа шла за белым глазетовым гробом дорогого почившего писателя; гроб всю дорогу несли на руках студенты и литераторы. На произведенном вскрытии черепа не было найдено никаких болезненных изменений в мозгу.

После кончины Гаршина вышла в свет его «Третья книжка рассказов» (СПб., 1888 г.). В сборнике «Памяти В. М. Гаршина» (СПб., 1889 г.) помещены три стихотворения Гаршина: «Пленница», «Нет, не дана мне власть» и «Свеча». В сборнике «Привет» (СПб., 1898 г.) напечатано одно его стихотворение в прозе; С.А. Венгеровым напечатано в «Русском Слове» в день 25-летия смерти писателя его стихотворение, написанное под впечатлением похорон Тургенева, а также перепечатано упомянутое выше стихотворение в прозе. Библиографический перечень произведений Гаршина дается Д. Д. Языковым в «Обзоре трудов покойных русских писателей», вып. 8, и П. В. Быковым в собрании сочинений Гаршина в издании Маркса. Рассказы Гаршина выдержали много изданий; они переведены на разные иностранные языки и пользуются за границей большим успехом.